

ТРОЕ НА ОСТРОВЕ

Рябиновые бусы

«**Н**адо на потолке нарисовать хоть что-нибудь, хоть фигу», — подумала Леся, открыв глаза в очередное утро. Слишком это невыносимо: каждый день открывать глаза и видеть перед собой одну и ту же сероватую простыню давно не крашеного потолка. Ровную, серую простыню, подпираемую стенами панельной хрущевки. Потолок был низковат, он как будто напознал на глаза. Хотелось встать, как кариатида, напрячь молодое и сильное тело, упереться руками и отодвинуть этот потолок дальше, выше — с глаз долой. Но это сначала хотелось. А потом то ли тело выдохлось, то ли она привыкла к потолку, как привыкают к бельму в глазу, но все, что хотелось теперь — нарисовать на этом серо-белом фоне хоть что-нибудь. Пусть даже фигу. Чтобы утром, открыв глаза, испытать на долю секунды удивление, замешательство: где это я? Неужели в новом месте? Хоть на миг обмануть себя возможностью перемен.

А перемен на горизонте не предвиделось. Это Леся знала наверняка. Знала, шлепая в ванную, что сейчас вода, прежде чем политься тугой струей, дважды плюнет в нее накопившимся за ночь

Лана Барсукова

воздухом. Знала, что чайник исполнит ежеутреннюю арию истеричной дамы, которая от безобидного ворчания переходит на высокие громкие ноты и, наконец, бурлит возмущением и выпускает пар. Знала, что в холодильнике ее ждет стандартный набор под названием «завтрак одинокой женщины». Недорогое и полезное для фигуры — йогурт, творог и прочее молочное уныние. Как будто ее фигура кому-то нужна.

Леся шла к своему сорокалетию в минорном состоянии духа. Вообще-то до этой даты оставалось еще пять лет, но Леся специально сгущала трагизм, заранее примериваясь к пугающей цифре. Единственный вопрос, который ее интересовал, был обращен не в будущее, а в прошлое: где она ошиблась, что сделала не так? На каком повороте скрылось из глаз счастье, о котором столько мечталось в юности? Леся определяла свое положение наотмашь, не жалея себя: «Я проиграла свою жизнь».

Но даже проигравшему надо, переждав плевки крана, умыться, заварить чай и сделать выбор между йогуртом и творогом. И пойти на работу. Потому что одиночество в толпе не так пасмурно, как под серым потолком хрущевки.

Потом пробежка на каблуках до метро. Как будто ее каблуки кому-то нужны. Трясучка в метро с бдительным осмотром попутного контингента. Нет, таким не нужны ни каблуки, ни фигура. Можно сползти на кеды и есть по утрам эклеры с жирным содержимым неопознанной природы. Никто не заметит разницу. Уткнулись в планшеты, прилипли к экранам смартфонов, как будто это пуповина, связывающая их с миром. А рядом она,

Трое на острове

ожидающая внимания, с животом, впалым от творога.

Хотя нет, вот один явно посмотрел, да еще так прицельно, неотрывно. Потом отвел взгляд. Снова посмотрел. Леся подтянула фигуру, став еще стройнее. Резервы-то всегда есть. Снова отвел взгляд. Леся приободрилась, даже порозовела слегка. Тут он посмотрел вверх, целясь явно выше Лесиной головы, и вдруг ухнул взглядом вниз, на ее туфли. Хорошие туфли, пусть смотрит, она их недавно купила на распродаже. И опять выше головы. Нет, опять на туфли. «Чокнутый ухажер попался», — игриво подумалось Лесе. Ухажер снова открыто глянул на Лесю. Неотрывный и равнодушный, ничего не выражающий взгляд. И тут ее осенило, все встало на свои места: «Да это же гимнастика для глаз! Он меня точкой в пространстве выбрал». Леся съежилась от унижения, выпрыгнула на ближайшей станции и прошла сквозь толпу, как ледокол, грубо задевая локтями и боками пассажиров подземки. Будто вымещала на них обиду за то, что она лишь объект в гимнастике для глаз. Это было ее хамское доказательство того, что она целое тело, упругое и жесткое, а не какая-то там точка.

Наконец-то она добралась до своего института. Это был один из никому не нужных академических институтов социально-гуманитарного профиля, оправдывающих свое существование тем, что и вреда от них тоже немного. Леся была старшим научным сотрудником с окладом, которого хватало на распродажные туфли и ненавистный творог. Старики получают пенсию по старости, а научные сотрудники имеют пенсию по молодости, конспи-

Лана Барсукова

ративно называемую заработной платой. И ради этого Леся когда-то защищала диссертацию, писала нудные научные тексты, читала бессвязные наборы слов странных авторов, назначенных в гении общественным мнением.

Помимо зарплаты научные сотрудники промышляли грантами, то есть получали дополнительные деньги от разных фондов под собственные инициативные проекты. Леся делала это несколько удачнее других. Потому что иностранное слово «грант» переводится на русский язык как подарок, хоть и закамouflированный под конкурс. А одаривают понравившихся. Лесины тексты нравились своей доходчивостью, логичностью и лаконичностью. Но большинство государственных фондов давали крошечные гранты, за что Леся называла их научными собесами.

Но вот наконец-то создали новый фонд, который не мелочился, нарезал гранты крупными ломтями. Леся прицелилась на него и решила уточнить кой-какие технические детали. На сайте фонда был единственный телефон. Автоответчик голосом хорошо откормленного аппаратного работника сообщил: «Вы позвонили в научный фонд. Если вы знаете телефон интересующего вас отдела, воспользуйтесь им». И все, дальше — гудки. Леся набирала телефон несколько раз, наслаждаясь изяществом, с каким ей давали понять, что она в число посвященных не входит. И гранты на нее, стало быть, не рассчитаны.

Леся пережила несколько стадий своего романа с работой. Сначала она ее обожала, почти боготворила, искала признаки взаимности, старатель-

Трое на острове

но собирала журналы с собственными статьями. Потом, разочаровавшись в науке, к работе охладела и продолжала жить с ней, как с мужем, с которым просто лень оформить развод. Наконец, она ее возненавидела, возложив вину за незадавшуюся личную жизнь на библиотечную пыль, на скуку бесконечных заседаний, на блеклость научных будней.

Основной причиной такого охлаждения было чувство обиды за то, что ее недооценили, не воздали должного. Научные премии, звания пролетали мимо нее и доставались тем, кого Леся считала посредственностью. Протест против такой вселенской несправедливости носил комичные формы. Монографии бездарей мстительно складировались в туалете или шли на растопку мангала. Не обошлось и без самоуничтожения. Коллекция журналов с собственными статьями стала использоваться по хозяйству как пресс, когда нужно было что-то прижать, придавить, подпереть.

Свою карьеру в институте Леся называла «броском в науку». Как будто она оторвала от жизни увесистый кусок, самый сочный и свежий, и бросила его в никуда. Целилась в науку, а попала в ее жалкое подобие. Энтузиазм коллег рождал в ней сомнение в их умственной полноценности. Обшарпанные стены, скрипучие двери, отсутствие туалетной бумаги вызывали в Лесе немой вопрос: «Что я тут делаю? Что общего между мной и всем этим?» Но ответ был слишком очевиден: общими были последние десять лет жизни, начавшиеся с мечты о диссертации, пригвоздившей ее к академической карьере. Зачем она затеяла эпопею с диссертацией? В молодости казалось, что вся жизнь

Лана Барсукова

впереди, долгая-долгая... И можно часть потратить на ерунду, от жизни не убудет.

Бежать надо было раньше — когда были силы и желание что-то делать. Теперь же все схлопнулось до невнятного бормотания о том, что пора все бросить, начать заново. Но это были безобидные речи, рассеянные в воздухе любого НИИ. Реально сняться с места она не могла. Не умела делать ничего другого, кроме как писать так называемые научные тексты. Да и «пенсия по молодости», хоть и небольшая, доставалась относительно легко — ни тебе риска, ни ответственности.

Леся слишком долго дышала искусственным воздухом академического института, чтобы решиться вдохнуть настоящий воздух за его пределами. Поэтому под бурчание на тему «Кому это нужно?» она добросовестно плодила научные статьи, увеличивая вес журнального прессы. Правда, слово «добросовестно» здесь едва ли уместно. Ни добра, ни совести в этом занятии не было.

* * *

Леся подошла как раз вовремя. Начинался научный семинар. На этот раз доклад делал коллега, приглашенный из соседнего института. Леся и сама периодически выступала на других площадках, называя про себя такие коллаборации переливанием из пустого в порожнее. Как будто если бессмысленность перенести на другую площадку, то в ней появится блеск мысли.

Приглашенный профессор был неопределенного возраста и почти неопределенного пола. Он рассказывал про что-то мутное, никому, кроме не-

Трое на острове

го, не интересное. Представлял свою новую книгу, которая была второй в его личном зачете, что уже претендовало на систему: «Во второй книге я развил мысль, лишь приблизительно высказанную в первой книге». При этом темпераментно всплескивал руками и массировал лоб, обозначая тяготы умственного труда и облегчая течение слов. Хотя слова лились без видимых преград, забавно поскальзываясь на окончаниях. У него получался «капитализм», «парламентаризм» с мягким знаком в конце. Леся подумала, что, родись он пораньше, читал бы лекции по «научному коммунизму» и «атеизму».

Докладчик, как из пулемета, расстреливал аудиторию именами авторитетов: «Как говорил тотто...» или «Мы все помним слова такого-то...» Леся помнила. Когда-то она честно прошла через канонические тексты, усердно перелопатила страницы восходящих звезд научного небосвода. И имела вполне конкретное мнение о них. За редким исключением — невысокое. Она понимала, зачем докладчик так усердно цитирует других авторов: чтобы построить из их имен своеобразный щит, защиту от критики. Чтобы прослыть умным. Чтобы еще раз позвали — все-таки какое-то признание. В конце доклада обычно хлопают, ему будет приятно. Может, кто книгу купит.

Леся сидела и вспоминала, откуда эта фраза: «Читал много, пора думать». То ли Ленин сказал Луначарскому, то ли наоборот. Нет, Луначарский вряд ли посмел бы. Во-первых, интеллигент, во-вторых, политик. Значит, трус в квадрате. Он бы вождю такое не сказал, это факт. А Ленин мог?

Лана Барсукова

Тоже вряд ли. Оно ему надо? Зачем заставлять министра думать? Хотя времена были другие, и министры были другие. А может, это из анекдота? «Памяти совсем не стало», — расстроилась Леся.

А еще она размышляла о древних греках, об их мудрости. Все главное они сказали, после них лавочку под названием «общественные науки» можно было закрыть. Точнее, не открывать вовсе. Греки поняли самую суть жизни. У них в подземном царстве Аида, куда уходят души умерших, есть зона для особо злостных мерзавцев — Тартар. И что там? Котлы с кипящей смолой? Черти с раскаленными вилами? Нет, там все чинно и мирно. Там Сизиф катит в гору мраморную глыбу, а та скатывается вниз, к подножию горы. И Сизиф снова толкает камень вверх. А он скатывается. И так без конца. А еще там сестры, отравившие мужей, приговорены носить воду в решете. Вода вытекает, и они снова зачерпывают. Снова и снова. Греки поняли, что высшее наказание для человека — это бессмысленность действий, нескончаемый труд, обреченный на вечную незавершенность, невозможность увидеть плоды своих усилий, перелить свою жизнь в законченную форму, восхититься сделанным. Бессмысленный бег по кругу — вот ад для древних греков. И для Леси.

Между тем доклад завершился. Жидкие хлопки, обозначающие аплодисменты, вырвали Лесю из размышлений о греках. Она подняла руку. Начальник заерзал на своем начальственном стуле, потому что знал: Леся остра на язык и на поступки. За это он ее не любил, притормаживал в карьерном

Трое на острове

росте и мучился от того, что Леся от этого не страдала.

— Скажите, а зачем вы это написали?

Шумок в зале носил оттенок симпатии к Лесе. Многие даже проснулись.

— Столкнувшись с этой предметной действительностью, я понял, что обязан написать об этом книгу.

Видимо, столкновение было сильным. Удар не прошел бесследно. Леся все поняла, вежливо поблагодарила за ответ и вышла из аудитории. Начальник облегченно вздохнул.

* * *

Однако тусклое начало дня имело вполне яркое продолжение. Не успела Леся прикрыть за собой дверь, как телефон привычно звякнул, и на экране высветилось «неизвестный». Какое приятное многообещающее слово! И пока в трубке не прорезался голос, можно ощутить терпкую интригу — кто бы это мог быть? Вдруг это из Нобелевского комитета? Или организаторы розыгрыша квартир по магазинному чеку? Но стоит неизвестному представиться, как разочарование накрывает звонкую радость войлочным колпаком: очередной экономный коллега освоил звонки по скайпу, так дешевле. Но это нормально, Леся привыкла, что разочарование идет за надеждой с той же неизбежностью, как выдох за вдохом.

На этот раз разочарования не было. Даже наоборот. Трубка ожила голосом Вики — сумасшедшей, сумасбродной подруги, которая действовала на Лесю как веселящий газ. Эта редкая авантю-

Лана Барсукова

ристка была бесстрашнее камикадзе. Потому что камикадзе проявляют крайнюю смелость один раз в жизни, в самом ее конце, а Вике удавалось делать это с завидной регулярностью. То она сходилась с американским негром с баклажановым отливом, то сбегала от него через мексиканскую границу с каким-то ветераном движения хиппи. То, устав от кактусовой водки и звуков банджо, возвращалась отдышаться в Россию. Но, как правило, ненадолго. По каким-то тайным каналам она узнавала, что на далеких островах черепахам нужна ее помощь. Как можно отказать черепахам? Правда, потом выяснялось, что до них Вика не добралась. Сосед в самолете так соблазнительно описывал пещеры, где живут летучие мыши, что Вика быстро соглашалась поменять маршрут. Возвращалась в Москву, чтобы отстирать вещи от мышиного помета, и снова куда-то исчезала. Никогда нельзя было сказать наверняка, откуда она звонит. В социальных сетях она не светила, фотографий не выкладывала, потому что была глубоко равнодушна к чужим оценкам собственной жизни. Она была с миром на «ты», панибратски хлопая по плечу земной шар. Про таких Лесина мама говорила: «Оторви да брось».

Леся ее обожала. Вика была для нее вариантом жизни, который и она могла бы прожить, если бы не отягощенная наследственность в виде папы-профессора и мамы-доцента, усугубленная пагубной тягой к золотым медалям, красным дипломам и диссертациям. Словом, во второй жизни Леся предпочла бы родиться на месте Вики. Но второго раза не будет. Грекам Леся верила больше, чем буддистам.

Трое на острове

На этот раз слышно было плохо. Но плохо бывает по-разному. Лесе мешал говорить работающий принтер, а Вику глушил шум прибора. Две музыки — офиса и океана — боролись за внимание подруг. Впрочем, боролись недолго, потому что разговор был короткий.

— Лесь, привет! У нас тут вечеринка по случаю намечается. Приезжай! — сказала Вика так буднично, будто речь шла о воскресных шашлыках у нее на даче.

— Куда? Где ты? Как ты? По случаю чего? — утопила Лесья подругу в вопросах.

Но подруга тонуть не собиралась. Она быстро разобралась со всеми вопросами:

— Нормально я. Остров тут сказочный. А вечеринка, сказала же, просто по случаю. То есть случайная вечеринка, без повода.

Лесю всегда изумляла речь Вики. Она использовала слова как будто неправильно, но если вдуматься, то вполне логично. Как будто отряхивала их от привычного употребления и возвращала им естественное значение. Однажды про законченного мерзавца она сказала, что он «вышел в нелюди». И действительно, если можно выйти в люди, то почему нельзя выйти в нелюди? Вика говорила, как жила — раскованно и свободно.

Подруга посчитала вопрос решенным и начала буднично инструктировать, как добраться до острова, что с собой брать, как сэкономить в дороге и прочие технические вещи. Ну, действительно, о чем еще говорить, если остров сказочный, а вечеринка случайная. Какие могут быть сомнения?

Лана Барсукова

— Викуль, я не знаю. Как-то неожиданно все это... Вряд ли получится. Меня с работы могут не отпустить, — сказала Леся и сама зажмурилась от несуразности и глупости фразы. Там — океан, сказочный остров, а тут — какая-то работа. Которую и работой-то назвать трудно. Так, трудодни в обмен на пенсию по молодости.

— Кто тебя может не отпустить? Только ты сама. Леська, отпусти себя, очень прошу. Мы с тобой ночью голые купаться будем, как в лагере. Помнишь?

— А мальчишки будут подглядывать? — включилась в игру Леся.

— Не-е-е. Не обещаю. Тут это не в диковинку, им обрыдло уже. Хотя на новенькую, может, и посмотрят. Ты к своим пятидесяти килограммам сколько кило шарма добавила? — Вика хохотала заливисто и знакомо.

— Во мне полцентнера шарма и обаяния.

— Значит, центнер выходит. Тогда я тебе отдельное бунгало поищу, в моем вдвоем не поместимся.

Вика сказала это так просто, как будто и не было на свете стандартов красоты, модных диет, глянцевого журналов и напольных весов, способных испортить настроение или осчастливить малейшим колебанием стрелки вправо или влево. Ей было наплевать на это, как и на многое другое. Волновал только технический вопрос, как разместить дополнительный центнер живого веса.

— Викуль, да ты что? Я же пошутила. Пока держу свои пятьдесят шесть килограмм как последнюю примету молодости. Творог уже из ушей лезет.

— А ты уши затыкай, когда ешь, — совершенно серьезно посоветовала подруга. — Я вот нос заты-

Трое на острове

каю, когда один местный фрукт ем. Вкуснящий, но вонючий. А в старости будем еще не то затыкать, чтобы поесть спокойно. — Вике не было равных в неделикатных шутках.

Леся узнала Вику. Только сейчас узнала окончательно. Вспомнила то состояние полного комфорта, раскованности, бесшабашности, какое испытывала только с Викой. И так захотелось войти в это состояние еще раз, что вразрез с разумными установками она неожиданно для самой себя пообещала:

— Я приеду, Викуль. Спасибо, что позвала. Ты даже не представляешь себе, как вовремя ты это сделала. А то еще немного, и я начну с предметной действительностью сталкиваться. Вместо того чтобы жить.

* * *

Предстоял разговор с начальником. Леся бегло набросала заявление о трехнедельном отпуске за свой счет, указав в качестве причины жгучее желание увидеть сказочный остров. Конечно, она использовала другие, более казенные слова, но смысл от этого не менялся. Подошла к приемной и отбила по двери траурный марш костяшками пальцев. Точнее, отбила по дверному косяку, потому что дверь руководителя, как и положено, была обита дерматином.

— Да-да, войдите. — Начальник удивился приходу Леси.

Впрочем, удивился — неточное выражение. Скорее он удивленно напрягся. Не будучи дураком, понимал, что Леся относится к нему, мягко говоря,

Лана Барсукова

не очень почтительно. Нет, прямых конфликтов у них не было. Но Леся не скрывала, что считает любой административный кабинет в институте вариантом подсобного помещения, сродни кладовой, где хранятся швабры. Дело нужное, но к науке не относящееся.

«Главное, — настраивала себя Леся, — не сворачивать». Но знала, что струсит, свернет, если ее начнут совестить, взывать к чувству коллективизма, будить в ней ответственность за судьбу очередного научного отчета, которого не дождутся на самом верху властной вертикали. Хотя Леся была почти уверена, что там их отчеты летят в мусорную корзину прямо в нераспечатанных конвертах.

— Вы бы потрудились объяснить, зачем вам отпуск? Вы же только что вернулись из очередного, предоставленного вам согласно трудовому законодательству. Вы даже не считаете необходимым указать причину такого неожиданного, так сказать, намерения.

— По-моему, я письменно сообщила вам о причине. Вот смотрите, буквально и дословно: «по собственному желанию». У меня может быть желание?

— У вас? У кого-кого, а у вас точно может быть.

— А собственное? Или только по графику, согласно штатному расписанию?

— Кажется, что у вас других желаний, кроме собственных, нет и никогда не было. А другие живут общественными желаниями, — сказал шеф и сконфузился от корявости фразы.

Леся поняла, что сейчас начнут взывать к духу коллективизма. Общественная версия спиритического сеанса, регулярно проводимого в кабине-